

Op 84
K-69

НИКОЛАЙ КОРСУНОВ

ВЫСШАЯ МЕРА

Орбл
н 69

НИКОЛАЙ КОРСУНОВ

2004
2004-2005-гг

ВЫСШАЯ МЕРА

ОРЕНБУРГСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2005

ОБЛАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н.К. КРУПСКОЙ"

Книга первая

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Стоит он на юру, как на войсковой поверке, и к боку его кривой казацкой саблей прижимается старица Урала. Сам-то Урал годов сто назад выправил русло, отошел далее к востоку, а на память о себе оставил вот эту кривулину-старицу с высоченным яром — шапка падает, ежели от воды глянуть. И на том поднебесном лбище стоит форпост Излучный, так его прежде называли, а по-нынешнему — поселок.

В Излучном — две улицы, неширокие, из окна в окно можно видеть, что сосед делает. Главная — Столбовая. С нее выбирается в степь, в кочевой простор расколоченная колесами дорога, устами излучинцев — «градская», потому что ползет она долгие версты между сусличьих глинистых бугорков, между полыней и ковылей к главному городу области — Уральску. Пыльной обочиной ее, след в след, уходят из поселка телеграфные столбы, засиженные на макушках беркутами и коршуньем.

А Речная улица льнет к зеленой уральной пойме, к берегу старицы. Есть еще три проулка: Косой, Пьяный и Севрюжий. Косой проулок назван так в память жившего здесь есаула, который окривел во время завоевания Хивы. А по Пьяному проулку, говорят, в Троицын день спускались казаки в луга водку пить, «бышеньку»¹ выплясывать да любушек-забавниц из круга умыкать... Третий проулок и поныне чаще Севрюжым взвозом кличется. В стародавнее время, когда Урал еще у огородных плетней, у самых бань колыхался, по этому взвозу плавенщики да баграчеи-ловцы красную рыбу возами поднимали. В ту пору, рассказывают старики, осетра да севрюги в Урале было видимо-невидимо, налипало в суводные сети-ярыги, как репьев в овечий хвост. Да только небыль, наверно, вяжут ведуны белобородые! Их послушать, в старину все лучше, все слаще было. Но тогда какого же пса они то к Стеньке Разину прислонялись, то Емельяна Пугачева облыжно императором возглашали, то на Арал-море из-под царской руки уходили?! От сладкой, что ли, жизни?

Не поймешь этих стариков!

А может быть, и поймешь, если вспомнишь, что селилась на крутых берегах Яика Горыныча² вольница — народ дерзкий, отпетый. От него и семя бунтарское, беспокойное шло: ему и это не так, и другое не этак, всяк на особицу выворачивается, потому как казаки — поголовно все атаманы. Недаром же и посейчас ветхие пращуры на непокорливых внуков ворчат доброхотно: «У, Р-рази-на порррода!»

Вот вы только послушайте Стахея Силыча Каршина, который в Пьяном проулке живет по-над самой старицей. Он вам наговорит черт-те чего! В германскую Каршин до вахмистра дослужился, два «георгия» храбростью заработал, позже белоказачий атаман Толстов сделал его сотником, а уж потом, у красных, Стахей Силыч шашкой да удалю отмолит грехи перед Советами и даже эскадрон командовал на польском фронте. Но в Излучном и по сей день кое-кто прозывает его беляком. И это не столько за прошлое, сколько за теперешние Стахея Силыча разговоры... Уж больно охоч он бывшее-неворотное ворошить, так и кажется, что о том ему ежечасно сытая отрыжка напоминает.

А излучинцы крепко знают, что в прежние-то времена эта отрыжка и не снилась Стахею, ибо голодранец он был первейший на весь форпост. Такая уж натура у казака. И за это его недолюбливают. И особенно не может переносить Дуся, Душаичка Осокина, бабенка горячая, злая и веселая безудержно.

Сроду эта ее нелюбовь не печалила душу Стахея Силыча, а ноне всколыхнула, отенила. У Осокиных на неделе свадьба, младший брат Евдокии женится на

¹ Древний танец кочевников, имитирующий весеннюю пляску сайгака.

² Так в старину частенько называли реку Урал.

фельдшерице. И вряд ли пригласят на эту свадьбу Стахея Каршина — больно уж поцапался третьего дни с Душаей. Он так полагает, но целый день не уходит из дому — надеется.

Слонялся он по надворью, на весь белый свет обиженный, а шея сама выкручивала голову в сторону мазанки Осокиных. За плетнем лишь глинобитная крыша виднелась со стожком сена на сарае. Наконец вошел в свой высокий, на подклете, дом, подмел без нужды горницу и сел к окну. Отсюда хорошо видны излучина старицы, а за ней — пойменный, бордово-желтый лес. Там сейчас по сизым терновникам и ежевичникам черные косачи с молодыми тетерками жируют, там гомон грачиных предотлетных стай, там шум листопада... А он, как девка-перестарок, у окна протухает, ждет, позовут — не позовут Осокины?

Стахей Силыч досадливо крикнул. Но тут его заинтересовал парнишка, что брел по кромке противоположного берега. Как назло, это Костя Осокин оказался, сын Душаички, Павловны, как ее все чаще и чаще величают. В Костиных вытянутых руках — длинное удилище с привязанной к нему блесной. На прожорливых нахальных щук охотится.

Знатная должна быть у Осокиных свадьба... Позовут или не позовут? Еще Костыка этот глаза мозолит... Эх, кабы позвали! Любил Стахей Силыч, чтобы из ноздрей — дым, из-под копыт — звезды!..

Прошла почтальонка — к Каршиным не завернула. И Стахей Силыч с готовностью переключил свою досаду на сыновей: редко пишут, стервецы! Это потому, что ничего в них казачьего не осталось. Один — паровозный машинист, другой — адвокат, а младший — на учителя обучается в Уральске. Вон ведь в какую линию ударились. На корню высыхает казачество!

И начал бы Стахей Силыч припоминать былое, заветное, да узрел, как вывернулась из-за угла Душаичка Осокина. Ясное дело, за сыном! Понадобился! Ходко, быстро мчит по Пьяному проулку проворная бабенка. Как бы мимо не промчала любезная Евдокия Павловна!

Каршин молодо вымахнул из избы, приткнулся к столбцу калитки. И великое равнодушие легло на его лицо. Будто ну от скуки непереносимой доит он белый пушистый ус и гуляет прищуром поверх мазанок, поверх опустевших скворечен. Но видит старый, как летит казачка. Она еще и не поравнялась с ним, а он уж:

— Далеко ль бежишь, клюковка?

Остановилась, по-хорошему взглянула:

— А я думала, ты на бакенах, Стахей Силыч, на работе...

— У бога дней много — наработаюсь! Далеко ли бежишь, спрашиваю?

А она лукавила что-то, пыталась, как живет ему, Стахею Силычу, в одиночестве, что пишет из города Степанида Ларионовна.

— Чего ей сдеемся?! Всё така ж белуга! — Каршин начинал не на шутку нервничать, теряя всякую надежду. И свое раздражение вымещал на ни в чем не повинной жене: — Она иль выработалась! Вечно, матри, богородицей сидит, извеку — сложа руки за моим горбом!..

Павловна, похоже, догадывалась об истинной причине его паршивого строения, но томила, выматывала душеньку, как потроха на кулак. А потом неожиданно в избу предложила войти. У Каршина грешный туманец колыхнул башку седую. Бежал впереди Павловны и свои мысли вкладывал ей: «Он, матри, ничего казачина! Высокий, прямой, как свечка... Вполне строевой для любви! Мой-то что, мой всегда в степи, возле тракторов. А тут такой сокол-беркут!..»

В сенцах весело боднул сапогом тыкву, выкатившуюся из кучи в углу, с молодой проворностью откинул перед Душаей скрипучую дверь и так же проворно громыхнул стулом: садись, мол, клюковка разлюбезная, моментом самовар сорганизую, а не то — и бутылочку...

Но Павловна — как не слышала! Стояла и, словно привередливый покупатель, неспешно и придирчиво оглядывала просторную избу. Выжидательно замерший Каршин следил за ее серыми глазами и боялся слюну проглотить, чтобы ненароком мыслей не выдать своих, даже пытался думать о чем-то другом, о бакенах, например, которые он сегодня не проверял.

— Изба мне ваша нужна, Стахей Силыч...

— Та-ак... — Он уже окончательно понял, что не ради его красивых усов пришла она, и остывал, будто босыми ногами в таз с холодной водой влез.

— У невесты дядя должен подъехать, а он у нее красный командир. Вот и решились... У нас мазанка, сам знаешь, не шибко хоромистая...

— Госпиди, Душаичка, Евдакея Павловна, то есть, ды пожалуйста, стол и погреб милости вашей! — Каршин ликовал: не объехала судьба на кривой бударе. — Я ведь тоже, когда женился, то сам наказной атаман у меня за посаженного отца-батюшку... Вот так — он, вот так — я...

Павловна насмешливо сузила глаза: бреши больше!

— Только у тебя тут, — повела взором по заснованным паутиной углам, — дерьмом подавись. Ладно, выгребем...

Ух, как взыграла казачья спесивая кровушка! Да поунял ее Стахей Силыч до поры лучшей: «Ужо я те припомню, Душаичка, ужо вспомяну!..»

< 2 >

Октябрьским листопадом кружила над поселком осень. Глуше, длиннее залегали ночи. По утрам на старице нет-нет да и зарождались прозрачные закраины, и под ними потерянно толпились пучеглазые мальки. Изредка на ветки и провода ложился блестящий рафинадный иней. К обеду он начинал таять, и тогда всюду пульсировала капель, как весной. И лишь к исходу недолгого дня становилось по-летнему тепло, пахло свежевзрытой землей и горьковатым, грустным духом отмирающей листвы. Слышнее позвякивали на огородах лопаты, в пустые ведра гулко падали первые картофелины...

Осокины выкопали картошку еще на той неделе, ранее всех. Костина мать вообще любила все вперед всех делать. «Неистовая Душаичка», — величали ее

старухи. Если за что взялась, то сама исколотится и других надсадит. От этого жизнь Косте казалась временами несносной.

Но сегодня Евдокии Павловне не до Кости. Косте — праздник, Костя нацепил на руку вязанку сушеной воблы, уселся на теплой завалинке и «залупляет», грызет воблу. Будто на губной гармошке играет, только скелеты откидывает. Поджидает Айдара Калиева. Тот ковыляет из школы, зажав под мышкой учебники. У Айдара левая нога короче правой, поэтому ходит он плечом вперед, с прискоком. За это дразнили его кузнечиком. Правда, не в глаза: кулак у Айдара небольшой, но железный.

— Ты зачем в школе не был? — Айдар опустил рядом, вытянул короткую ногу, давая ей отдых.

— Ровно не знаешь! — Костя оторвал у очередной рыбины голову, швырнул на дорогу. Вторую воблу протянул Айдару: — Хошь? Залупляй.

Айдар взял, принялся лупить.

— Приехал?

— Давно! Не похож на героя. Маленький, без усов. И все молчит. Молчит и улыбается. Как невестка наша. Она ж всегда молчит. Найдет — молчит, и потеряет — молчит. Маманя говорит, неизвестно, что скрывается за этой благодатью... Рыжая — хоть прикуривай от волос!.. Много задали?

— Только по математике...

Некоторое время молчком грызли воблу. Проницательный Костя считал, что Айдар просто помирает от зависти к нему. Еще бы! У него, Кости, теперь такой родственник объявился: танкист, герой Испании и Халхин-Гола! Но Костя — великодушный человек, предложил:

— Пойдем свадьбу посмотреть? У Каршиных печь, как паровоз. Залезем — сверху все увидим.

Предложение было заманчивым, но Айдар считал, что мальчишествовать ему уже не к лицу: все-таки шестнадцатый год, не то, что Костя с его тринадцатью... Айдар отказался.

— А я потопаяю. Там завелось. Слышишь?

С каршинского подворья долетали выголоски песен, охальный хохот. Иногда растерзанно вскрикивала гармонь. В небе набирались звезды. Кое-где в избах зажглись огни. Но самые яркие окна были у Каршиных, они длинно, до противоположного берега отражались в старице. С улицы о стекла расплющивались носы и губы зевак, и Костя резонно считал, что люди прилипли к окнам из-за красного командира.

Из распахнутых сенцев — шум, гам, смех. В лицо — духота застолья, запах дешевых духов и нафталина. Прошмыгнуть к печке — дело двух секунд, но у порога Костю придержал, заставил прислушаться непонятный сторонний звук. Кто-то протяжно и безнадежно кричал, только глухо, словно из погреба или бани.

В Косте мигом проснулся разведчик. Он стиснул правый кулак, словно была в нем рубчатая рукоятка нагана, и вкрался в каршинский задний двор.

Черными вражескими крепостями, танками и броневиками надвинулись на Костю многочисленные катухи и сарайчики, и было тут темно и тревожно, как в брошенном колодце. Обычно храбрости у Кости — хоть отбавляй, но сейчас ему отчего-то страшно стало. Вздохнула вдруг тяжело корова, и Костя даже присел. Огляделся. За изгородью — пятно белесое. Ну да, корова, чтоб ей... А это? Костя приблизился. Нагнулся. У него клацнули зубы, распрявился с силой лука, у которого обрезали вдруг тетиву. Проскочил двор в два толчка сердца. В кухоньке поймал мать, колдовавшую над новыми закусками, потянул за собой в сенцы.

— Там... дядька Устим... Горобец... — Снова цокнули Костины зубы. — Кто-то голову отрубил...

Павловна схватилась за сердце:

— Господи... Да что ты мелешь... Где?

Побежали к сарайчику. Вытянутое обезглавленное тело кузнеца Устима Горобца лежало на прежнем месте. Опасливо склонились над ним, и у каждого с горки кувыркнулось все: свадьба, красный командир, милиция, связанный убийца, похороны...

А из-за двери сарайчика как завопит вдруг Устимов бас:

— Гр-ра-ажданы-ы!.. Това-аришчи-и!

Павловна отпрянула, у Кости сердце катнулось куда-то к самому копчику. За дверью всполошились куры.

— Чтоб ты на своей штанине удавился! — Павловна торкнулась в дверь — закрыта, да еще на гиревой замок. Схватила за ноги: — Помогай, Костя!

— Ой, не тягны! О-ой, уши оторвэшь!..

— Налакался, паразит, по удил по самые!..

— О-ой, голова! О-ой, уши!..

От усердия Костя стащил с Горобца нагутаиненный хромовый сапог. Он уже сообразил в чем дело. Похоже, хмель опрокинул Устима на заднем дворе, но он не сдался окончательно, полз до тех пор, пока не воткнулся в дверь сарайчика. Голова пролезла в квадратное отверстие, выпиленное внизу для кур, а назад уши не пускали. А уши у Устима — на весь Излучный: большие, хрящистые.

— Беги за ключом к Стахей Силычу! — приказала мать, во всех склонениях вышептывая слово «паразит» — излюбленное ругательство уралок.

Свадьбу взбудоражило.

Отчаянно кудахтали в катухе перепуганные куры, рычал и матерился Устим, а излучинцы тешились!

— Метился к куме под кровать, ан — кровать не та!

— Устимушка, рррадимый, ты там кого выбагривашь? Кого шшшупашь?!

— Самого щупайте, бабоньки, самого!

Кто-то из мужчин нагнулся — Устим взвыл и яростно заколотил по земле ногами. А охальник ржал:

— Там уж болтун тухлый... И-г-гы-гы!..

— И-и, зенки-ти залил бесстыжие... Стахей Силыч, где же ключ?!

А ключа не было. Пропал ключ. Стахей Силыч припрятал его еще со дня (дальше положишь — ближе возьмешь!), а теперь не мог вспомнить — где. Он шарил под застрехами, метался по избе и вслух скорбел:

— Понос прошибет птичку, нестись перестанет... Вот заррразынька!

— А тебя часом не пронесло з горя? — Это сказала жена Горобца Варвара. Пожалуй, лишь она осталась безучастной к судьбе бесславно застрывшего мужа (хай вин сказаться!). С достоинством сидела суровая сухопарая хохлушка за столом и пичкала разными разностями пятилетнего внука. — Тебя, вижу, не прошибло, Стахей?

Каршин шепотком помянул ей святую богородицу и крутанулся вон из горницы. Костя скользнул мимо него и проворно взобрался на широченную каршинскую печь. Глянул поверх ее борова вниз и остался доволен: все видно и слышно. Только духота здесь копилась непереносимая: от людской тесноты, от горячих закусок, от двух сорокалинейных керосиновых ламп, ослеплявших белым светом. И еще Костя ругал себя за то, что слопал неизвестно сколько вобл, — пить хотелось. Но отсюда Костю ничем не выморить! Не часто такие свадьбы случаются.

А свадьба царская была! Может быть, не совсем царская, но расстаралась Павловна! Не пожалела расходов. Да и то: крепенько начали жить Осокины. Сам Василий Васильевич — бригадир тракторный, Павловна — известная звеньевая по просу. Да и жених целое лето где-то у геологов работал, говорят, с хорошими деньгами вернулся.

Больше всего следил Костя за Иваном Петровичем. Тот вернулся со двора и все еще смеялся над разносолом казачьих шуток. Костины глаза прямо липли к его орденам, привинченным к толстому сукну гимнастерки. Присматривал и за женихом с невестой. Настя почти не поднимала головы, клонила пылающее лицо, и Косте виден был лишь венец ее белой, тончайшего кружева фаты. Но и без того знал он, как красиво Настино лицо, озаренное вишневыми глазами. Зато Сергей, высокий, сутуловатый, в черном костюме, живо поглядывал вокруг и все время улыбался. Еще бы! Рад-радешенек: какую девку отхватил! Он сразу же узрел над беленым бором, под самым потолком Костину конопатую рожицу. Подмигнул ему и, тронув локоть Насти, глазами показал на Костю, счастливо растянувшего рот с редкими, «брехливыми» зубами. Настя улыбнулась и вновь потупилась. А Сергей лукаво кивнул Косте на стеклянную вазу с конфетами: как, мол, смотришь на все эти штуковины? Только перед женихом с невестой стояли такие неслыханно дорогие конфеты, коим даже названия Костя не знал. И он согласно мотнул головой. Сергей выловил из вазы несколько штук и сунул в карман. Для него, для Кости!

Почти все свадебщики были заняты во дворе Устимом Горобцом, и жених с невестой выпали из пригляда. Поэтому Сергей, снова моргнув Косте, тоже нашел чем позабавиться. Он, очевидно, уже давно приметил, как Горобчихин внук жадно поглядывает на тарелку с горчицей: больно уж вкусно крикали и хвалили ее гости, намазывая закуску. Сергей незаметно пододвинул тарелку к мальчуга-

ну, и тот, воспользовавшись заварухой, поднятой его дедом, не замедлил зачерпнуть полную ложку да скорей в рот... Вытаращил бедолага глазенки, по щекам слезы покатались, и только через минуту, наверно, передохнул:

— Бабо, и хто цэ такэ поганэ на стил постав-выв?!

Тут уж и Настя не выдержала, рассмеялась, прикрыв рот батистовым платочком.

А в задней комнате угорело качнулись стены от пьяного галдежа и хохота. Костя повернулся к двери. Подталкиваемый в спину, легко переступил выбитый порожек Устим Горобец — догадались-таки свернуть шейку у замка, введя в расход хозяина. В вороных волосах Устима — и перо, и пух куриный, и... Такое ж разве можно упустить! Снова — зубоскальство, снова — потеха.

Устима увели, чтобы облагообразить. Варвара даже бровью не повела на своего «чоловика». Она вытерла внуку нос и продолжала разговаривать с Анджеем Линским, квартировавшим у них в кухонке через сенцы. Впрочем, говорила она, а Анджей молчал и, могло быть, совершенно не слышал ее. Был он уныл и неподвижен, как надгробный памятник. Этот поляк, появившийся в Излучном полгода назад, всегда был таким. Если и улыбался, то смотрел на собеседника грустными глазами больной птицы. Казалось, он — сама выплаканная скорбь по распятой, истоптанной родине. Голова его мелко-мелко вздрагивала — контузия.

Костя увел от него взгляд. На красивого, с пушистыми бакенбардами поляка всегда было тяжело смотреть. И особенно сейчас, на свадьбе! Но к Анджею пересел Иван Петрович, и Костя невольно напряг слух: о чем разговор? На одном была гимнастерка, на другом — френч с накладными карманами. Пуговицы тоже разные: на френче — белые, тусклые, с заносчивым орлом, а на гимнастерке — латунные, начищенные, остроконечная звезда лучи испускает.

— На каком участке воевали, солдат?

— Под Пинском, пан майор! — Анджей сделал попытку встать, но Иван Петрович обнял его за плечи, усадил: «Что вы, что вы!» Анджей сел, но чувствовал себя, видимо, неловко. — Двадцать первого сентября контужило меня, пан майор.

Табаков промолчал и как-то странно засмотрелся на добродушного Николу Угодника, взиравшего на свадьбу из большого, засиженного мухами киота. Костя недоброжелательно глянул на мать, запевавшую почему-то украинскую «Розпрягайтэ, хлопцы, коней...»: «Не могла выбросить этого бородатого хрыча!» Понял, что командир смотрит на образ, но не видит благодушного старца. Вероятно, был он мыслями и чувствами где-то далеко-далеко. Прямые, с рыжиной брови шевелились, поднимались ступенькой одна над другой. Хотел бы Костя знать, о чем Табаков думает.

— Го-орька-а! — взгорланил вдруг Стахей Силыч, нетвердо поднявшись с места и плеская из граненой рюмки на жареного гуся. Верно, отошел старина, забыл о сломанном замке и перепуганных курах. Пучил остекленевшие глаза:

— Горька-а!

А потом пытался вытянуть свое яйцкое захудалое «войско». С артистическим надрывом, со слезой в надтреснутом голосе:

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66